Ганс Христиан Андерсен

Что сказал вся семья

Что же сказала вся семья? А вот послушайте сначала, что сказала Маня!
Был день рождения Мани, чудеснейший день в году, по ее мнению. К ней собрались поиграть все ее маленькие друзья и подруги; одета она была в лучшее свое платьице, которое подарила ей бабушка. Теперь бабушка была уже у Боженьки, но она сама скроила и сшила это платьице, прежде чем улетела на ясное небо. Стол в Маниной комнатке был весь завален подарками. Тут была и чудеснейшая маленькая кухня со всеми кухонными принадлежностями, и кукла, которая умела закрывать глаза и кричать «ай», если ей давили животик, и книжка с чудными картинками и сказками для чтения — разумеется, для тех, кто уже умел читать! Но лучше всех сказок была возможность пережить еще много-много таких дней рождения.
— То-то хорошо жить на свете! — сказала Маня, и крестный подтвердил, что жизнь — чудеснейшая из сказок.
В соседней комнате расхаживали двое братишек Мани, славные мальчики, один девяти, другой одиннадцати лет. Они тоже были довольны жизнью, находили, что жить на свете чудесно, но жить на их лад, быть не такими малютками, как Маня, а заправскими школьниками, получать хорошие отметки, всласть драться с товарищами, кататься на коньках зимой и на велосипеде летом, читать рыцарские романы с описаниями замков, рыцарей, темниц да слушать об открытиях во внутренней Африке. Одного из мальчиков, впрочем, сокрушала забота, что к тому времени, как он успеет вырасти, все уже будет открыто; но в таком случае он решил просто-напросто пуститься по свету искать самых что ни на есть сказочных приключений. Недаром же крестный говорил, что жизнь — чудеснейшая из сказок!
Так вот какой разговор шел в детской. В следующем же этаже, повыше, проживала другая ветвь той же семьи. Здесь тоже были дети, но эти-то давно стоптали свои детские башмаки: одному сыну было семнадцать, другому двадцать, а третий так и вовсе был стариком, по словам Мани: ему исполнилось целых двадцать пять, и он уже был женихом.
Всем сыновьям удалось хорошо пристроиться, родители у них были добрые, одевались они хорошо, были одарены прекрасными способностями и знали, чего хотели: «Вперед! Долой все старые заборы, чтобы видно было на все стороны, чтобы можно было осмотреться на белом свете, чудеснейшем, какой только нам известен! Крестный прав: «жизнь — чудеснейшая из сказок!»
Отец с матерью, оба люди пожилые, — разумеется, они должны были быть постарше своих детей — говорили с улыбкой на устах, в глазах и в сердце:
— Как они еще юны! Не все-то на свете таково, как они себе воображают, но ничего, жить все-таки можно! Жизнь — в самом деле удивительная, чудесная сказка!
Над ними, поближе к небу, как говорится о жилых помещениях под самой крышей, проживал крестный. Стар он уже был, но в то же время так еще молод душой, так весел! Он всегда готов был рассказывать истории — длинные, интересные, и немудрено, что у него их был большой запас — он таки погулял по белу свету! В его комнатке были собраны редкости изо всех стран мира, стены были увешаны картинами, в окнах вставлены разноцветные желтые и красные стекла. Поглядишь через них, и кажется, будто все залито солнцем, какая бы ни стояла на дворе сырая, пасмурная погода. В большом стеклянном ящике росли зеленые растения, а внутри его помещался сосуд, в котором плавали золотые рыбки. Они глядели на вас, точно знали много-много такого, чего не хотели сообщать. В комнатке разливалось благоухание цветов даже зимою, когда в камине ярко пылал огонь. Славно было сидеть тут, глядеть на огонь да прислушиваться к трескотне и шипенью в камине!
— Огонь рассказывает мне о былом! — говорил крестный, а Мане казалось даже, что огонь рисует ей картинки!

В большом шкафу, рядом с камином, хранились книги. Одну из них крестный читал и перечитывал особенно часто, называя ее «книгой книг»; это была Библия. В ней отражался в ярких образах весь мир земной, история всего человечества, рассказывалось о сотворении мира, о грехопадении людей, о царях и о «царе царей».

— В этой книге говорится обо всем, что было и что будет! — говорил крестный. — Вот как много содержит в себе она одна! Подумай! А все, о чем только может просить человек, вложено в одну краткую молитву «Отче наш». Она — капля Божественного милосердия, жемчужина утешения, ниспосланная нам Богом. Она кладется, как лучший дар, в колыбельку ребенка, к его сердцу. Дитя, храни ее как зеницу ока! Не теряй ее никогда, даже когда вырастешь, и ты не заблудишься на спутанных тропинках жизни! Она будет светить изнутри тебя, и ты не погибнешь!

И при этих словах глаза крестного сияли радостью. Они плакали всего раз, в молодые годы, но «и это было хорошо!» — говорил он.

— То было время испытания, весь мир Божий казался мне пасмурным! Теперь же опять вокруг меня и во мне самом ярко светит солнышко. Да, чем старше становишься, тем яснее видишь, что всюду и по течению, и против течения ведет нас сам Господь и что жизнь — чудеснейшая из сказок! Такою мог сделать ее для нас лишь Он один! Он же продолжит ее для нас и в вечности!

— То-то хорошо жить на свете! — сказала Маня. То же сказали и маленькие мальчики, и молодые люди, и мать, и отец — вся семья. Но прежде всех сказал это крестный, а он-то больше всех был умудрен и опытом, и годами! Он знал всевозможные истории и сказки и все-таки сказал, и сказал от глубины сердца, что жизнь — чудеснейшая из сказок.